

В.В.

Маяковский

19/III-88

Нестандартная душа

ЗА ЧТО ЛЮБИТЬ
МАЯКОВСКОГО?

МАЯКОВСКИЙ оживил нашу отечественную культуру своей исключительной поэтической индивидуальностью.

Его творческое «Я» было «для него мало». Демократизм не знал границ. Его поэтическое гладиаторство не знало примеров в русской литературе. Он был человеческий, стихийный, живой. Искал себе равных. Не нашел. Великий пришелец. Таким должны открываться настесь и двери, и окна, и глаза, и души...

«Он любил поэзию, свой парус, поставленный в ветер времени, и цель свою, счастливое человечество». (В. Шкловский).

Его поэзия прежде всего лирична, потом эпична. Он, подобно шаману, оживил предметы и сделал их своими собеседниками — город и улицы, Эйфелеву башню и Вандомскую колонну, солнце и пароходы, скрипку и звезды. И упавшая на землю лошадь тоже способна услышать его, поверить и «встать на ноги»...

Весь мир был его домом. Он управлял предметами мира, как дирижер оркестром: радостно, увлеченно, одержимо. Оставил в поэзии новые звуки и интонации, ритмы и рифмы. Языктворец. Он разнообразил и обогатил стихотворный язык. Преподнес нам целый каскад тем и метафор. Его поэзия не отстраненность, а личное «Я», переходящее в каждого, берущее за душу, перетряхивающее все в ней. От нее — «разгибаются спины и колени». Под ее влиянием — надо ходить, думать, действовать.

Великий лирик нашего столетия. Я не знаю более сильных поэм о любви, чем у Маяковского. Я не знаю, чем надо было обладать, чтобы создать такое. Личность поэта взывает и сокрушает, любит и ненавидит, она горит «пожаром сердца».

Маяковский считал, что «человек делится горизонтально, по диафрагме». У каждого из нас душа, сердце и мозг. И незаменимость каждого из нас на земле только в этом. Маяковский завещал нам свою душу. «Вам я душу вытащу, растопчу, чтоб большая! — и окровавленную дам, как знамя». Знамя души Маяковского. Поэты, носите в себе хотя бы частичку ее.

Сколько врагов и обезумевших критиков породила эта НЕСТАНДАРТНАЯ душа! «Критики Маяковского имеют к нему такое же отношение, как старуха, лечившая эллинов от паховой грыжи, к Гераклу...» — размышлял после смерти поэта Осип Мандельштам.

Маяковскому был свойствен риск, как, пожалуй, никому. Риск — удел лучших людей нашего Отечества. Рыцарь. Мог ли он прожить жизнь иначе — осторожно? Нет. Это был бы уже не он. «Надеюсь, верую, вовеки не придет ко мне позорное благоразумие». И он собирался писать поэму «Плохо». Не дали напи-

сать. Не дожил.

Он был красивым. Во всем. Каким является окружающий нас мир в любую погоду.

Он был романтиком. «Я» — «громада-любовь» — «человек-артист» — «город будущего» — «счастливое человечество» — «Земля-товарищ» — «семья-Вселенная» — вот география его страстей.

Он отдал всего себя до конца жизни. В одно дыхание! «Умер от жизни».

Он был бесребреником, как, впрочем, большинство великих. «Мне и рубля не накопили строчки. Краснодеревщики не слали мебель на дом».

И еще. Он был Новым человеком Нового мира. Обновленность во всем! И поверим честному слову Мейерхольда, соратника и друга Маяковского: «Он волновал, потому-то был передовым человеком. Он не набрасывал на себя тогу с надписью «Сегодня приличествует быть таковым». Это его стихия».

Нет, никто, пожалуй, из его современников не вспоминал о нем «просто так». Всегда на пике чувств. Будь то Асеев или Мейерхольд, Чуковский или Эренбург, Цветаева или Мандельштам, Шкловский или Эйзенштейн, Тынянов или Эйхенбаум...

...Тридцать шесть. Как мало вы прожили, Маяковский. Почему никто не остановил тот роковой выстрел? Да и что это было? Ваша слабость? Сила? Отчаяние? Борьба? Предупреждение?

НАРКИЙ июльский день. Площадь Маяковского. Памятник поэту «такой большой и такой ненужный». Гудит и грохочет, лязгает и хлопает город, в котором он жил когда-то. И слышу я сквозь шум, сквозь гул:

С небритой щеки площадью
стекая ненужной слезою,

я,

быть может,

последний поэт.

Маяковский не только историческая личность, он — ЯВЛЕНИЕ.

Юрий АСТАФЬЕВ,
артист Московского театра им. Ленинского комсомола.

В понедельник по первой программе ТВ был показан спектакль Театра им. Ленинского комсомола «Я знаю силу слов». Монолог о Владимире Маяковском. Сценическая композиция в исполнении Ю. Астафьева.

ПОСЛЕДНИЙ КОМСОМОЛЕЦ
Г. Москва

12 9 ИЮН 1988

23